

Наверное, и в этом приметы высочайшего дара — фокусировать на себе всеобщее внимание, «держат» армию доброжелателей, радующихся победам, и становиться мишенью для ядовитых стрел хулителей. Таким абсолютным героем дня, точнее, недели, находившимся в эпицентре московских событий, предстал Мстислав Ростропович.

О предстоящем его приезде в Россию были осведомлены задолго, знали, что ждать в Москве его самого, супругу Галину Вишневу, молодого Солженицына (пианиста) и мощную команду «соучастников» — музыкантов руководимого им Национального оркестра США и певцов любительского хора. Знали, ждали, тщательно готовились к встрече. И все же в силу подспевших экстремальных событий в стране не покидал почти галлетовский вопрос — будет или не будет?

Нелепый вопрос по отношению к Мстиславу Леопольдовичу: при сверхэксцентричности его характера, при извечной склонности к рискованным ситуациям, к независимости суждений и действий на протяжении всех его музыкантских лет. Собственно говоря, за риск и смелость он и поплатился в свое время.

Конечно, Ростропович приехал вовремя и привез всю команду («я горд за нее, ведь мы еще в Вашингтоне услышали по телевидению обращение Бориса Николаевича к народу», — сказал maestro сразу же по прибытии в Москву). И, конечно, осуществились все его замыслы и прежде всего самый сложный и дерзкий из

ДНИ РОСТРОПОВИЧА

«ДЛЯ ВСЕХ» И ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

них — концерт «для всех» на Красной площади, хотя и непогода, и холод, и накаленная, тревожная обстановка в городе отнюдь тому не благоприятствовали.

По-разному восприняли журналисты и музыкальная элита настойчивость такого известного, требовательного к чистоте стиля музыканта, в осуществлении «шоу-программы» (симфонической), подозревая, что не в музыкальный праздник он выльется, а только в митингово-политическую акцию. Грешным делом и у меня возникли подлые мысли о «показушности», за что приношу самые искренние извинения maestro. И низкий поклон ему, слова благодарности за праздник **Музыки**, подаренный 50 тысячам присутствовавшим на площади, и еще миллионам телезрителей, которые увидели прямую трансляцию этого торжественного акта.

Подчеркиваю — **Праздник Музыки!** Уникальная программа. И зрительно незабываемая: разноцветные куртки, плащи, пальто на оркестрантах (один концертмейстер чего стоит: первая скрипка оркестра — в голубенькой вязаной шапочке, надвинутой глубоко на лоб от ледяного ветра). А дирижер — в концертном облачении (лишь заметно по-

полневший, очевидно, от утепляющих одежек). Он увлекал оркестр, хор какой-то гипнотической силой внушения, одному ему ведомой. И ведь и струнники, и духовики справились с плотной фактурой письма Чайковского в увертюре «1812 год», выигрывали тщательно виртуозные пассажи. Меня отнюдь не шокировало, что в финале увертюры Чайковского голос медной группы американского оркестра усилился голосами тромбона и фанфар нашего военного духового оркестра, что включились на полную мощь колокола звонницы Покровского собора Кремля, что запалили пушечные залпы. Торжественно, победно. Могучий апофеоз во славу храбрости русского воинства, казалось, написан Прокофьевым специально на этот час, на этот день в жизни России...

Две концертные программы состоялись в Большом зале консерватории. (Программы «для избранных», если исходить из цен, которые были назначены на билеты).

Итак, концертные программы в Большом зале: они вычислены точно, выстроены строго-продуманно. 25 сентября — день рождения кумира maestro, его старшего друга, «учителя навсегда» (слова Ростроповича) — Дмитрия Дмит-

риевича Шостаковича. В память о нем звучали 9-я симфония и Первый фортепианный концерт. Подчеркну: оба эти произведения — нечастые гости в программах наших исполнителей.

В свое время первое послевоенное сочинение — 9-я симфония была принята далеко не однозначно: многим она показалась слишком легковесной, поверхностной, не устраивало отсутствие философской концепционности, шекспировской трагедийности, как в предшествующих ей симфонических партитурах. А Мстислав Ростропович именно это выявил, подчеркнул, как главное достоинство Девятой, — демократичность, доступность, понятность произведения всем. Ее светлый, общительный тон, ее «шутливой» ироничный наряд, ее стремительный дух. Лирическое начало медленной темы, использованной автором, стало как бы «стартовой» площадкой для последующего кружения, а затем бешеного бега в стремительном темпе.

Огромное жанровое разнообразие музыки — образы бытовой, почти уличной мелодики, тончайшая лирика, грация, изящество некоторых из них, речитативы, диалоги — вот где развернулся талант maestro, где он продемонстрировал

техническую свободу, раскрепощенность своего коллектива, для которого, кажется, не существует никаких трудностей. И еще раз хочется повторить: жаль, что 9-я симфония Шостаковича столь редкая гостья на наших концертных площадках.

Это же самое относится к его Первому фортепианному концерту. В нем, казалось бы, все есть, чтобы пианисту блеснуть виртуозностью, продемонстрировать владение разнообразными техниками рояля, богатством «штрихов», широчайшей динамической палитрой красок — от громкого, почти ударного звучания до еле уловимого, бесплотного шороха.

Надо сказать, исполнитель сочинения, пианист Игнат Солженицын, вместе с maestro и, еще раз повторю, всесильным американским оркестром, показал со всей убедительностью достоинства и особенно — исполненной музыки, названной когда-то даже «хулиганской» за своеобразие, остроту и смелость в выборе средств художественной выразительности. Это ведь тоже на редкость демократичное, ясное, понятное всем сочинение. Почаще бы вспоминать о нем. И хотя концерт не относился к программе «для всех», двумя опусами Шостаковича

он бы ответил такой задаче.

В иной плоскости — мировая премьера, припасенная для московской элиты, — Шестая симфония Альфреда Шнитке. По характеру, по настрою, по художественной позиции она, как ни странно, стала альтернативой творчеству Шостаковича (в данном случае я имею в виду его прозвучавшие в программе произведения). Мрак, безысходность, ощущение постепенно уходящей жизни, всего живого, что есть на земле. Чувства ужаса, бессилия, обрывки мелодий, отдельные звуки — возгласы, стоны, словно затуманенность сознания, полное разрушение формы — это было странно и страшно слушать...

Слава Богу, что эту тяжесть сняли «бисы» — волшебной красоты, не «земное» Вступление к вагнеровскому «Лознгрину», где инструменты оркестра, казалось, «пели» в унисон, то разрастаясь в громадину звука, то истаявая. Неизгладимое впечатление! И дивная «сказка» в отрывке из музыки Чайковского к «Снегурочке», и задорная, озорная «Полька» Штрауса — Шостаковича. Все верно, праздник встречи с выдающимся музыкантом, с превосходным оркестром.

И втравленная консерваторская программа стала праздником:

снова звучал Прокофьев (тоже кумир и старший друг Мстислава Леопольдовича) — его «Александр Невский», только в полном объеме — все семь частей кантаты. Этой грандиозной прокофьевской музыкальной фреске было отведено главное место в программе — величественной героической эпопее тяжелой битвы русского народа за освобождение от иноземного ига; музыкальному повествованию о стойкости, победе россияне. Не знаю, как у других, у меня еще больше, чем после исполнения на Красной площади, укрепилось ощущение предвидения Мстиславом Ростроповичем нынешних событий в стране. Может быть, потому так блистательно, выразительно, могуче звучала эта музыка в тот вечер и такой успех имела у публики.

А после нее «запела» грустная, задумчивая романтическая «Неоконченная симфония» Шуберта, зазвучала несколько импрессионистического характера красивая речь симфонической пьесы молодой американки Томас. И последовали «бисы» — на них всегда удивительно щедр maestro.

И вообще он щедр и добр в общении с людьми, хотя казалось бы, жизнь могла бы и ожесточить, озлобить или при-

учить к хитрости, к приспособленчеству. А он прям, открыт, справедлив, доброжелателен.

Но вот до чего же озлобились наши представители древнейшей профессии. До чего чешутся у них языки — сказат-дерзкие слова, распушить, разнести. Ради удовольствия, для «красного словца». Так получилось и с гастролями maestro: никто не посчитал возможным промолчать, но как откликнулись? «МК» словами Галины Тюриной (новоявленный Ста-сов!) одним росчерком пера раздался со Шнитке: «музыкальная схоластика» — два слова, а как лихо! И Игнату Солженицыну отдано должное — «крепкий профессионал, каких у нас целая Московская консерватория». «Коммерсант daily» весьма скептически оценил события на Красной площади и походя критиковал Шнитке. А уж пуще всех отличилась газета «Сегодня», углядев в 9-й симфонии Шостаковича (в этом блистательном ироничном скерцо) «эпос» и «эрос», а в его Первом фортепианном оркестре Шостаковича (как написано автором), «тонатос» (сиречь — тему смерти). Красивые слова, а что к музыке, о которой, говорится, никакого отношения не имеют, неважно.

Думаю, не этого заслужил выдающийся музыкант. Не таких безграмотных и пустых рассуждений. Высочайший профессионал вполне достоин профессионального разговора, а он в нашей прессе последнего времени, увы, почти искоренен.

М. ИГНАТЬЕВА.